

Р.-110,  
БДТ

Официальная газета. - 1994 - 5 - 18 июня. -  
ДОЛГИ - с. 11.

# Выскочить из котла

Владимир Рецептер. Прощай, БДТ!

Валерий ПОПОВ

Одна из самых блистательных страниц нашей истории — ленинградский БДТ. Именно он был храмом интеллигенции. Каждый спектакль этого театра был и нашей победой — победой умных, интеллигентных, талантливых людей. Каждый новый его спектакль говорил вслух то, что хотели сказать все мы. Но мы не решались, не могли — а он решался, и мог!

Театр обрстал, как всякий храм, надеждами и легендами. «А вы слышали: «Гога был у министра культуры, и сказал...», «Так прямо на съезде и произнес!.. Ну, разумеется, в стенограмме этого нет!..» Все это страстно ловилось нами — людьми, прямо не причастными к театру, но «своими» по духу. Конечно, постепенно мы понимали некоторую взвешенность, дозированность той смелости, которая неслась к нам со сцены. Сперва надо было очистить Ленина от Сталина, потом Ленина еще от кого-то, потом еще кого-то очистить от Ленина — но все это делалось увлеченно, на самом высоком профессиональном уровне, и БДТ по-прежнему оставался нашим храмом. Хотя... На сцене «смелый парторг» еще разоблачал зарвавшегося директора, а наши друзья уже начинали класть свои партбилеты на стол этим самым парторгам.

Миф, на котором вырос театр, выдохся — но театр остался. Именно на том порыве смелости, взрыве яркости, честности, внезапного расширения взгляда на мир вырос не только БДТ — выросло все самое значительное, что есть в нашей жизни сейчас. То был замечательный порыв — и вряд ли он в ближайшее время повторится. Осталось ощущение силы, уверенности, блеска, каких никому уже не наработать сейчас, в наше унылое время. Смотреть на тех отчаянных красавцев, крепких мужиков: на Копеляна, Луспекаева, Стрельчика и других — радостно было смотреть и потом, в других уже спектаклях, скажем, в «Хануме», где вроде бы просто-напросто разорвавшийся князь ищет богатую невесту. Ан — нет! Сколько блеска и силы!

Увидеть этот театр изнутри позволяет нам повесть Владимира Рецептера «Прощай, БДТ!». Он, несомненно, входил в ту высочайшую иерархию актерства, в списки кумиров и небожителей — даже фамилии их звучали необыкновенно: Стрельчик, Копелян, Полицеймако, Рецептер! Помимо театра, Рецептер вел еще и отдельную блистательную жизнь, появляясь в черном плаще Гамлета в одиночку — и собирая огромные залы восторженной

публики. Какое было время! Увидеть его глазами Рецептера чрезвычайно интересно — и поучительно.

По улицам шел огромный слон, за ним бежала толпа — а внутри чехла кто-то двигал ногу, кто-то шевелил ушами, кто-то хоботом — и был один, кто всем этим командовал. Конечно, тот, кто выскочил «из слона», и рассказал о том, как там внутри было тесно, трудно и душно, показал «грязную работу Мельпомены». Он, может быть, нарушил «целостность нашего восприятия», но и открыл нам в людях, в том числе и великих, нечто новое, неожиданное — и ценное. Иногда — горькое и глубокое, иногда — как бы «недостойное» и легковесное, но делающее этих людей ближе нам и понятней. Назовем тут, для примера, историю товстоноговских штанов, купленных Рецептером, и дальнейший их путь среди нищей и горделивой актерской братии. Это берет за душу сильнее, чем иные исследования маститых театроведов.

Рецептер обладает талантом и владеет материалом. Он рисует драму, не видимую из зала: о «съедении» друзей-артистов, необходимом для твоего роста, и о том, как горько быть «съеденным» самому... Но, оказывается, в актерской среде на это не принято долго обижаться — все понимают, что великих ролей гораздо меньше, чем хороших актеров. Записываясь в этот цех, человек как бы дает подписку в том, что может исчезнуть бесследно, но сохранить при этом любовь к театру.

Рецептер рассказывает нам о безжалостной «смене поколений» — оказывается, молодой режиссер, чтобы самоутвердиться и блеснуть, должен не только учиться у великого мастера, но в конце возвыситься над ним. Великие, уходя, платят по жестоким счетам Мельпомены. «Борисов выиграл принца Гарри у Володи Рецептера и был счастлив. А потом вложил всего себя в Хлестакова, которого репетировал в очередь с Басилашвили. Роль досталась Басилашвили, и теперь Борисов кровью проплачивал свой собственный долг».

Растворенность в театре, подчинение его жертвенным ритуалам оказались не до конца обязательными для «театрального отщепенца» Владимира Рецептера, который сумел выскочить из этого котла, не успев свариться, не успев достаточно нахлебаться, почувствовать вкус — и дать попробовать его нам. Кстати, это умение «свариться наполовину» и есть первейший признак настоящего писателя: все другие варианты не годятся. Рецептер, покинувший театр, чтобы рассказать о нем, блестяще доказал нам, что, потеряв актера, мы нашли писателя. Впрочем — актера мы тоже не потеряли. Рецептер играет. Для того чтобы писать, писатель должен жить.